

Полина Граф

МОНСТРУМ

Эквилибрис

1

книга

коллекционное
издание

Эквилибрис

Полина Граф

Монструм. Книга 1.
Коллекционное издание

«ЭКСМО»

2021, 2026

УДК 821.161.1
ББК 85.156.7

Граф П.

Монструм. Книга 1. Коллекционное издание / П. Граф —
«Эксмо», 2021, 2026 — (Эквилибрис)

ISBN 978-5-04-246124-8

Издавна люмен-протекторы защищали Свет, стоя между Тьмой и человеческими душами. Максимус, молодой протектор, просыпается с пробелами в памяти. Он не помнит ни прошлого, ни даже собственного имени. И уж точно он не помнит, как предал Свет. За страшнейшее из преступлений – сотрудничество с Тьмой – соратники приговаривают Максимуса к казни. А пока идет суд, с душой протектора творится неладное: выясняется, что в ней оказался осколок чужой души, а у Максимуса появились способности, недоступные рядовому протектору. И тогда он сбегает, чтобы выяснить правду и вспомнить мир, полный живых небесных тел, темных монстров и серебра. Мир, в котором Земля – лишь пыль на карте расколотой войной Вселенной. Коллекционное издание «Монструма», первой книги из космического цикла «Эквилибрис», с цветными иллюстрациями от jansen, черно-белыми иллюстрациями от Чаки Чаки, обложкой от Eliot Baum и бонусной главой от Полины Граф.

УДК 821.161.1

ББК 85.156.7

ISBN 978-5-04-246124-8

© Граф П., 2021, 2026

© Эксмо, 2021, 2026

Содержание

Предисловие	6
Законы Вселенной	7
Часть I	9
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Полина Граф Эквилибрис. Книга 1. Монструм

Серия «Эквилибрис»

Книга издана с согласия автора.

*Soda
Press*

© Полина Граф, 2021

© Издание, оформление. «Издательство «ЭКСМО», 2026,
Soda Press

Cover art © by Eliot Baum, 2024

Предисловие

Прошло несколько лет с момента издания «Монструма» и более десяти лет, как эта история обосновалась в моей голове без единого шанса ее покинуть. Я построила личность вокруг «Эквилибриса», расту вместе с этим проектом. Не всегда это просто, увлекательно или успокаивающе – порой работа над миром Света и Тьмы вызывает те еще головные боли, однако я безмерно его люблю.

За эти годы фандом вокруг «Эквилибриса» сформировался почтенный – косплеи, рисунки, песни, видео и много иных проявлений читательского интереса. Когда я начинала работу, то была одна, а сейчас нас целое комьюнити, в котором, как я надеюсь, уютно каждому. Я росла на таких же книжных фандомах, что и мои читатели, и одно из главных моих писательских достижений – что «Эквилибрис» стал для кого-то таким же домом в отрыве от реального мира.

Спасибо читателям за всю поддержку и тепло, спасибо за вопросы и отзывы. Весь ваш интерес ко вселенной превратился в это потрясающее подарочное издание! Иллюстрации и дополнения сделаны с огромной любовью всех участников. Изначальный текст не тронут, нельзя вечно гоняться за идеалом, хоть мне теперь, с прокачанными навыками, порой того и хочется. «Монструм», изданный в 2021 году, – лучшее, на что я тогда была способна. А в будущем нас ждет еще много книг, космоса, приключений и тайн.

Приветствую старых и новых читателей! История только начинается.

Fiat lux

Законы Вселенной

I

Вселенная – часть тебя, а ты – часть ее.

II

Сохраняй Эквилибрис. В первую очередь в себе.

III

Сила – в памяти.

IV

Нет ничего ценнее души.

Ничто не возникает из пустоты, и ничто не становится пустотой.

VI

Любое деяние имеет следствие.

VII

Манипулируй Вселенной, но отдавай ей равное взамен.

VIII

Вечность никому не дает лишнего времени.

IX

У Вселенной на каждого имеется план. Судьбу не обмануть.

Константа – в переменах. Все должно меняться.

XI

Губя чужие души, наносишь вред своей.

XII

Бессмертия нет, каждый отправится по дальнейшему пути.

XIII

Познавай себя через Вселенную, а Вселенную через себя.

*Fiat Lux*¹

...Существует легенда, пришедшая из самой древности эпох и Гenezисов. Она гласит, что Вселенная родилась из Мысли.

Мысли, разверзшей вечный Обливион, устремившей струны Тьмы и Света в бесконечность.

Тогда, на заре пространства-времени, хаоса материи и гула близкого нового мира, произошло три взрыва. Никто не знает, что творилось между ними. Благодаря взрывам Вселенная стала такой, какой мы ее видим и знаем в каждом отрезке временного горизонта.

Но в самом начале была лишь Мысль.

Та самая, которую мы утратили.

Согласно легенде, она растворилась и стала ничем. Ведь Обливион поглотил ее первой.

Все родилось из Мысли...

Атлас горизонтов

Иногда я открываю глаза и пытаюсь вспомнить, каково это – спать и видеть сны. Или же вспоминаю о реальности. Кажется, я утратил оба состояния в этом месте. Есть только падение, бесконечное и тягостное. В пустоте.

В ней я вижу свою жизнь: мертвую звезду, что забыла собственный мир, а также темного, создавшего себя из страха. Я общался с рожденными за небесами – порой такими же простыми

¹ Да будет свет! (лат.)

и порочными, как люди. Сталкивался со злом и добром – столь разным и столь похожим. Проходил сквозь души: необозримо огромные, невообразимо хрупкие. Я воевал против Тьмы, но вглядывался в нечто намного страшнее и хуже, а оно смотрело на меня в ответ тысячей кричащих глаз.

Я слышу тебя, чувствую. Вряд ли ты существуешь, очередной плод моего воображения. Но выбирать спутников здесь не приходится. Главное, что ты как раз вовремя – думаю, это последний раз, на большее меня вряд ли хватит. Пора уходить. Восстановлю все в памяти как можно подробнее – ради тебя.

Если ты готов – внимай. Я расскажу тебе о событиях, свидетелем которых был, о душах столь сильных, что они, казалось, сияли ярче Солнца. О Бесконечной войне, что забрала каждого из нас еще до рождения. Расскажу о Вселенной, познающей себя через тебя и меня.

Ничего больше не осталось – только мои воспоминания и ты.

До холодных мрачных вод. В последний раз.

Падай вместе со мной...

Часть I
Загляни в мою душу

ЧАСТЬ I

Загляни
В МОЮ ДУШУ

Глава 1

Красное пламя

Свет...

Я так давно его не видел... я...

Передо мной предстала ночь, потом – грязный проулок и ржавые мусорные баки. Вот что я увидел, как только очнулся, лежа на холодном сыром асфальте. В груди страшно жгло огнем, суставы ломило. Кровь отбойным молотком долбила в ушах, а затылок болел настолько, что голова закружилась от одной лишь попытки подняться. Темнота манила, пыталась вновь завлечь меня в беспамятство, но я переборол себя. Со стоном цепляясь за стену, встал на нетвердые ноги. Меня стошнило. На языке остался мерзкий привкус гниения.

Я поковылял в сторону освещенной фонарями дороги. Там никого не было, ни людей, ни машин, даже в окнах домов редко горел свет. На чистом небосводе прожектором повисла луна. Минут пять я просто стоял, пытаюсь собраться с мыслями, а затем зашелся в кашле из-за неутихающей боли в груди. Когда взгляд упал на руки, сердце замерло от ужаса. Они были покрыты слоем черной слизи, отдававшей гнильцой. Как в полусне, я стал осматривать себя. Чернь была повсюду: на синем мундире, брюках, сапогах, даже под рубашкой. Но ни одно толковое воспоминание не выходило на свет. Лишь обрывки.

– Вы протектор?

Я испуганно обернулся и увидел мужчину и девушку, к рабочим поясам которых крепились оружие из мерцающего серебра.

– Кто? – хрипло переспросил я.

Двое подошли ближе. Они носили серо-синие форменные куртки. Подозрение застыло на их лицах, когда им удалось меня рассмотреть.

– С вами все в порядке? – осторожно поинтересовалась девушка.

– Я... я не...

– Соларум зафиксировал проявление Тьмы, – сказал мужчина. – Вы так быстро устранили опасность?

Я не нашел что ответить. Вместо этого продолжил вглядываться в покрытые чернотой руки, стараясь сохранять равновесие.

Девушка с опасением подалась вперед.

– Как вас зовут?

Мой взгляд задержался на ней. Все начало темнеть, мысли спотыкались друг об друга. В груди заболело сильнее, и откуда-то из глубины прорезался красный свет. Казалось, его видел я один. Этот свет был *внутри* меня. И я понимал это гораздо отчетливее, чем ответ на самый простой вопрос.

– Я не знаю.

* * *

Кто я?

Мы миновали несколько малолюдных улиц. Мне помогали идти, и я смутно различал дорогу.

Где я?

Мы вошли в неказистый двухэтажный дом, и, пока мужчина с кем-то говорил, девушка повела меня вверх по скрипучей лестнице.

Почему я здесь?

– Что же с тобой приключилось? – отстраненно произнесла незнакомка, когда я едва не оступился. Она посмотрела на прикрепленные к моей форме пустые погоны. – И знака еще нет. Как ты оказался один? Новеньких же не пускают на зачистку.

Что произошло?

В конце мрачного коридора – дверь, по центру – четырехконечная звезда Света в окружении созвездий. Ручек не было, да они и не требовались. Девушка приложила мою ладонь к звезде. Я успел заглянуть в ее душу. То была высокая стена, увитая виноградными лозами. Теплый ветер принес с собой запах имбиря и свежей выпечки, отчего мне захотелось раствориться в этом месте.

Красный огонь. Он повсюду. Я сгораю в нем.

Дверь бесшумно отворилась. Впереди простиралась идеально круглая зала, пол которой был выстлан зеркально-черным камнем. В нем, точно в водной глади, отражался потолок – стеклянный купол, за которым темнело бескрайнее ночное небо, где звезды сияли так ярко, будто стали ближе к нам. Показались чьи-то фигуры, но к тому моменту я уже почти не соображал и не смог их различить.

Кем мне теперь быть?

* * *

Темные волны погребали меня под собой, лишь изредка позволяя взглянуть на реальный мир.

Люди в синей форме куда-то меня несли. На поясах у них висело оружие.

– Просто дайте мне поговорить с ним! – Голос на грани истерики. До меня он долетал словно из другой галактики. – Пожалуйста! Я его наставник, вы должны мне позволить! Случившееся наверняка можно объяснить, это какая-то...

– Фри, все решится на суде, – строго перебил другой. – К этому выродку опасно приближаться, а тебя вообще приказано держать от него подальше.

Фри... Это имя было мне знакомо. В памяти всплыл смех и черты носившей его. Я помнил глупые шутки, самоуверенность, то, как она приходила ко мне в Архив с пачкой орехового печенья, чтобы докучать однотипными насмешками.

– Не называй его так! – разозлилась она. – И кто приказал? Паскаль?! С ним во главе это не суд, а трибунал!

– Убирайся!

Черная волна обрушилась мне на голову. На самом дне ревело красное пламя. Оно затягивало, старалось поглотить. Я отчаянно сопротивлялся, но огонь подобрался вплотную.

– Поднимите его.

В голове неожиданно прояснилось.

Длинный коридор, где серокаменные стены покрывала резьба, а под сводчатым потолком вместо люстр в окружении плавающих осколков стекла витали небольшие шары света. Два человека в темно-синей форме крепко держали меня под руки. Запястья оказались скованы наручниками, состоящими из света.

Я впервые трезво оценивал происходящее с тех пор, как очнулся в подворотне. Мундира на мне не было, как и рабочего пояса. Вся черную гниль с одежды выжгли.

– Что... – вырвалось у меня. – Что произошло?..

– Проверьте защиту, – раздался строгий голос.

Мой взгляд устремился к увесистому мечу из мерцающего серебра, а уж потом перешел к самой протекторше. Каждый ее шаг отдавал стальной уверенностью. Слегка вздернутый нос, коралловые губы сомкнуты тонкой линией. Пышные рыжие волосы стрижены диким каскадом и заплетены в косу. Большие каре-зеленые глаза. Правый пересекает узкий бледный шрам, разрывающий бровь и доходящий до середины щеки, где поперек наслаивается еще один, совсем небольшой. В зрачках нет блеска. Свет тонет в их строгой бархатистости.

– Сара... – с трепетом выдохнул я.

Она задержала на мне пустой, но пробирающий до самых костей взгляд и двинулась вперед по коридору, расправив плечи в идеальной осанке.

Я оглядел других протекторов, которых не узнавал. Может, мне и доводилось пересекаться с ними раньше, но сейчас они были готовы всадить мне в грудь клинок или пару пуль. Сильнейшие чувства вырывались из их душ, и страха там почти не было, только гнев.

Я был на охоте. Мальчик-сплит. А затем...

Пустота.

И чем больше я пытался вспомнить, тем страшнее эта бездна становилась. Что произошло неделю назад? Месяц? Сплошные обрывки.

По спине пробежали мурашки. Сердце загрохотало. Я мысленно собрал всю важную информацию.

*Я – протектор. Новичок. Без знака. Мне почти девятнадцать. Или больше? Меньше?..
Сейчас конец ноября...*

Они потащили меня вперед.

– Нет, погодите! Что все это значит?! Я же...

– Заткни пасть, – грозно прикрикнул протектор.

– Что происходит?!

– Тебя будут судить за совершенные преступления, – с внезапной холодностью заявила

Сара. – Предательство Света – страшнейшее из всех. И ты сполна за него ответишь.

Слова раскаленным ножом впились мне в грудь. Я не поверил своим ушам.

– Какие преступления? Что я сделал?

Но Сара больше не отвечала. Меня поглотил бесконечный страх. Перед будущим или прошлым – я не знал. Все было подернуто мраком.

Глава 2

Наш долг – хранить память

Несмотря на все свое величие, Архив часто пустовал. Если затаить дыхание, то было слышно потрескивание маленького солнца под далеким потолком, скрип огромных тяжелых дуг армиллярной сферы, вращающейся в центре зала. Казалось, шуршание книжных страниц тоже откуда-то раздавалось, а может, то был лишь сквозняк меж шкафов и витрин. Целые стеллажи томов и стеклянных инфор тянулись на много уровней вверх, к монументальным каменным сводам и карте созвездий на черном потолке.

Кто знает, сколько поколений протекторов наблюдали этот вид. Сколько из них проходили по этим массивным лестницам? Многие заглядывались на настенные фрески – их трудно не заметить. Запечатленные образы и мотивы были памятны до сих пор. Протекторы никогда не участвовали в реальных битвах и столкновениях между Тьмой и Светом, что разверзлись по ту сторону небес. Человеческая война имела меньший масштаб и меньших врагов. Но память о ключевых моментах истории Вселенной и Бесконечной войны была увековечена не только на страницах книг, но и на стенах Соларума. Верховные Тьмы и Света, битвы и губительные решения. Эра Зарождения, эра Рабства, эра Странствий... Миллиарды лет хроники, или миллионы Генезисов, если говорить понятиями заоблачников. Историй, что никогда не кончаются, продолжаясь одна в другой.

Но Стефан пришел в Архив не ради них. Юноша сидел на обшарпанной лестнице, делая наброски колонн, закрученных спиралью. Стеф подозревал, что нужно было не прятаться от остальных в пустом Архиве, а сразу валить на Землю. Но он так долго шатался по заданиям и так зверски устал, что решил рискнуть и положиться на удачу.

Которая, кстати, себя не оправдала, потому как по Архиву разнесся звук быстрых шагов, после чего внизу, рядом с армиллярной сферой, возник человек. Он, точно орел, без всякого труда взглядом выцепил Стефа за толстыми перилами.

– Дерьмо... – проворчал Стефан, поняв, что тихо уползть за какой-нибудь шкаф уже бессмысленно.

– Ко мне. Живо.

Сказав это, Паскаль удалился так же стремительно, как и появился.

Прошло не меньше сорока минут, прежде чем его приказ был исполнен.

Стефан ненавидел бывать здесь – в этом нелепом большом кабинете Смотрителя, полном стекла и световых проекций. Дочатый пол был протерт до светлых пятен, на видном месте красовался обширный выжженный круг, который даже ковер был не в силах закрыть полностью (юноша понятия не имел, как возник этот круг, возгорание случилось до его появления в Соларуме). Все серое, сухое, с налетом древности и смирения с судьбой. Сейчас, когда всем управлял Скорпион, комната смотрелась по-армейски вычищенной и безликой. Даже все запахи исчезли. Раньше в углу находилась световая статуя Верховной, замерший взгляд которой сверлил голову до самого мозга. Игра в гляделки с этой грозной и тонкой женщиной всегда казалась самым веселым из происходящего в комнате. Но сейчас Верховной на своем месте не нашлось. Над постаментом кружились бледные искры. Они слегка освещали Паскаля Фавро, сидящего за своим огромным рабочим столом. На улице была ночь, лампы щедро озаряли помещение, но вот вокруг Смотрителя точно сформировалась своя локальная тень. Пока Стефан сидел и ждал, собеседник что-то бодро записывал на стеклянную поверхность энегласса. Лицо у Паскаля было напряжено, как и обычно, точно он страдал несварением или изжогой. Сразу за его спиной располагалось витражное окно – единственное, что не отталкивало Стефана в кабинете Смотрителя. Изящно сделанное, яркое, сияющее. Внутри него, вокруг звезд, по линии кружились двенадцать главных созвездий, тринадцатое – нынешний Смотритель – сдвинулось в центр.

Стеф не переставал благодарить Вселенную, что Скорпиону давалась всего неделя. Начальник из него был крайне неприятный; он вечно всех понукал, заставлял работать сверх меры, выявлял любые нарушения. И провинившиеся огребали, порой очень сильно.

Попытавшись закурить, Стеф наткнулся на первый знак внимания.

– Нет, – сухо выдал Паскаль, не отвлекаясь от писанины.

Стефан покривился, убирая пачку сигарет. Он нарочито громко вздохнул и, сидя напротив Смотрителя, закинул ноги на угол стола.

– Убери.

– Давай ты уже скажешь, чего от меня хочешь, – устало предложил Стеф. – И тогда тебе не будет видно моих грязных сапог, а мне – тебя.

Скорпион еле заметно поморщился. Шрам на левой стороне лица привычно исказился, как и всякий раз, когда Паскаль начинал выходить из себя.

– Тебя не было на поминальной службе, – строго сказал он, поднимая глаза.

Стеф развел руками, снимая со стола ноги.

– Будем честными: меня не приглашали.

– Присутствие каждого было обязательным, ты знал это.

Паскаль тяжело откинулся на спинку кресла, сцепив руки замком. Он был молод, хоть и постарше Стефа. Скорпион постоянно хмурил густые светлые брови, отчего впалые глаза, казалось, всегда находились в тени.

На широком лбу уже залегли морщины. Стефан не мог не признать, что новая должность этому индоку шла – прямая осанка, уверенный вид, взгляд пронзительный и надменный, такой, словно ты ему должен все до последнего гроша. Смотритель долго оглядывал Стефа, и в этом читалась явная неприязнь, к слову взаимная.

– Это просто дань уважения и памяти, – отмахнулся Стефан. – Настоящие похороны проходят за хрен знает сколько тысяч... миллионов миль отсюда. Это не мое дело.

– Это *наше* дело! – подчеркнул Паскаль. – Мы должны хранить память о ней. Это наш долг. Мы обязаны помнить все, каждое мгновение наших жизней, чтобы стать сильнее. Ты знаешь, насколько важным было это событие и что оно для нас теперь значит.

Оба, не сговариваясь, коротко глянули на место, где раньше стояла статуя Верховной. Все-таки без нее в кабинете стало мрачнее.

Похоронные церемонии – самое унылое и бесполезное мероприятие из всех возможных. Стеф не пришел на само действие, но стоял возле открытых ворот Усыпальницы, его бледное лицо пеплом покрывал теплый золотистый свет бесчисленного множества свечей. Он не заходил. Не хотел проходить это огромное расстояние, чтобы добраться до центра исполинского зала, примкнуть к люмен-протекторам и отдать последнюю дань памяти.

– Она не являлась частью моей жизни, как и твоей, – едко отметил Стеф. – Если хочешь наказать меня за то, что я неуважительно отношусь к далеким управленцам, которые плевать на меня хотели, то валяй.

– Ладно, – слишком уж непринужденно вздохнул Скорпион и подался вперед, обращаясь к своему энергласу. – Это мы опустим. К счастью, у нас есть более важные вопросы для обсуждения.

Из стекла вырвалась световая проекция. Стефан недовольно поморщился. Очередной чертов график.

– Так, посмотрим. – Паскаль начал пролистывать пункты с самым вдумчивым видом. – Ноябрь, декабрь, январь... Аха. – Он остановился и ткнул пальцем в дату. – Большой пропуск рабочего времени.

– Я брал отпуск.

– Ты брал его на неделю в первой половине февраля, а вернулся в середине марта. – Паскаль перевел на Стефа взгляд, тяжелый, как пара фур гранита. – Более того, ты пропустил свой срок Водолея как Смотрителя, который ложится на февральские и мартовские дни. Ты ушел от важной работы. И не только! За последние двенадцать лет после того знаменитого случая с падшими ты десять раз пропускал свой срок частично или полностью. По здоровью или из-за отпуска. Ты так боишься ответственности?

– Я никого не просил делать меня одним из Тринадцати, – огрызнулся Стефан. – Да и какая хренова разница? Никто меня все равно не слу...

– Ты должен был разбираться с делами, а не сбрасывать работу на других, ухудшая таким образом свое положение среди протекторов, которое и без того на самом дне. Змееносец долго отмазывал тебя от пропуска должности, – сухо заметил он. – Иногда даже сам подменял. Коул слишком лояльно к тебе относится. Он давал тебе только сверхурочные задания, а не реальные наказания за столь серьезные проступки.

«Мерзкий ублюдок».

Пока Стеф зло постукивал ногой по полу, Скорпион спокойно открыл новые документы, сплошь помеченные красным.

– У тебя, оказывается, и по делам с вычищением Тьмы накопились огромные долги, – заявил Паскаль, указывая на красные пробелы в отчетах. – И все словно отпустили эту проблему. Мне думается, что остальным Смотрителям настолько до тебя нет дела, что они просто предпочли не вникать. Да и ты этим, видно, пользовался. Коул – твой последний друг среди протекторов, не знаю, зачем ему эти проблемы. Все были удивлены его мягкости в отношении тебя после твоего прокола, так что я не удивляюсь, что Змееносец и остальные грешки тебе помогает подтирать. Возможно, я бы и мог закрыть глаза на твое отлынивание от должности Смотрителя, но охота на Тьму...

«Начинается...»

– Мы должны искоренять ее, – с легкой угрозой произнес Паскаль. Он помрачнел. – Чего бы нам это ни стоило. И все это делают. Но ты считаешь себя особенным? Ты не понимаешь, что стоит нам дать слабину, и они уничтожат все?

Стефан уже слышал от него подобное миллион раз. Речи Скорпиона не отличались разнообразием. Будь то обычный сплит или могущественный дэлар – какая разница? Главное – уничтожать все темное, каким бы опасным и смертоносным оно ни было.

– И неужели думаешь, что ты такой незаменимый? – вдруг сказал Паскаль. – Незаменимых здесь нет. Уйдешь ты – на место Водолея придет другой. Если ты боишься уйти на поле боя, то тебе вполне могут обеспечить такую услугу в Соларуме.

До Стефа смысл сказанного дошел не сразу.

– Заткни пасть, – прорычал он, вставая. – Ты на что намекаешь?!

– Я только говорю о том, что нам не нужны те, кто не выполняет своего долга.

И тут он сам решил подняться. Паскаль был слегка выше Стефа и угрожающе оттенял его. Всякий бы мог стусеваться перед этим видом и его холодным, вдавливающим в пол взглядом, но не Стефан.

– Я и представить не могу, сколько людей погибло из-за твоей лени, – прошипел Скорпион, только сейчас обнажив свою злобу. От Стефа не укрылось, как тот яростно сжал кулаки. – Сколько душ лишились Света за эти годы! Но хуже всего то, что тебе даже не стыдно. Тебя никогда и не наказывали должным образом.

– И ты решил исполнить должность палача в этом деле?

– Не забывайся, Стефан, Мясником здесь называют тебя.

Внутри Стефа словно полыхнул фитиль. Ему нет дела до этой борьбы, нет дела до протекторов. Но Паскаль перегнул палку. Тот оставался непоколебимым, Стефа же бил жар ненависти. Если бы не разделяющий их стол, то, скорее всего, он бы врезал Смотрителю по стальной роже.

«Почему они не могут просто оставить меня в покое?!» – думал он.

– Знаешь, Стефан, в Соларуме смертную казнь назначали и за меньшее. Но когда-то ты был образцовым протектором, примером для многих. – В словах Паскаля звучала явная досада, точно Стеф его разочаровал. – Ты до сих пор один из лучших манипуляторов. У тебя огромный потенциал.

– Тебе-то что?

– Ты разлагаешься морально, это твое дело. Но ты не выполняешь работу, и от этого страдают приземленные, а это уже мое дело.

Тут он отвернулся и стал смотреть в витражное окно, в прозрачных стеклышках которого виднелся синий лес Соларума.

– Мы, люмен-протекторы, уже тысячи лет являемся оплотом между людскими душами и темными монстрами. Так постановили звезды, потому мы обязаны нести этот крест на себе, ведь больше некому.

– Спасибо за урок истории, – буркнул Стефан в сторону.

– Я просто дам тебе мотивацию. До конца моего правления осталось немного. И если ты не выполнишь мое задание, я отниму у тебя восемь лет. Навсегда.

Стеф вздрогнул.

– Восемь? – поразился он.

– Скажи еще, что это слишком сильная мера, – хмыкнул Паскаль, возвращаясь к столу. Он снова сел и принялся писать в энергласе.

Стефан же стоял как вкопанный, хмурясь и обдумывая свое нынешнее положение. За его проступки смертная кара была вполне верным решением, Паскаль был прав: такое назначали и за меньшее. Тунеядцы тут не нужны. Но восемь лет памяти...

– Сядь, – приказал Паскаль.

Стефан раздраженно плюхнулся обратно, с ненавистью опаяя глазами Смотрителя.

– Ты будешь посещать все собрания, все поминальные церемонии. Будешь выполнять недельную норму по уничтожению сплитов и других темных тварей, если они появятся. Я буду за тобой следить все грядущие двенадцать месяцев.

– Иначе что?

– Иначе через год, как только Солнце войдет в созвездие Скорпиона и мое правление вновь начнется, я отправлю твою душу в Обливион.

Стефан ухмыльнулся. Такая себе угроза. Другому она показалась бы ужасной, но Паскаль не ведал всего. Восемь лет памяти пока что выглядели более устрашающими, за них Стеф немного волновался.

Он выдохнул, беря себя в руки, после лениво потянулся.

– Ладно, хватит швыряться в меня угрозами и притворяться моей мамочкой, чего ты от меня хочешь? За мои восемь лет. Что я должен сделать такого унижительного в ближайшие дни?

И тут в дверь забарабанили. Не дожидаясь ответа Смотрителя, в комнату влетела Ламия – Близнецы. Она чуть не споткнулась о ковер, но быстро оправилась, отбрасывая черные волосы.

– Паскаль... – задыхаясь, выдала она.

– Я занят.

– Ты не поверишь! – воскликнула Ламия. В голосе слышался подозрительный восторг.

Пока она излагала ситуацию с присущим ей воодушевлением к самым необычным делам, Стефан хмурился все больше. Паскаль не отставал от него.

– Где он сейчас? – после недолгих раздумий спросил Скорпион.

– Сара увела его в карцер. Я бы хотела...

– Хорошо, – резко перебил ее Паскаль, поднимаясь со своего места.

Половицы скрипнули под его сапогами. Скорпион остановился посреди комнаты, обдумывая произошедшее.

– Скажи, чтобы его привели на суд.

Ламия удивленно захлопала глазами.

– Суд? Но это неразумно! Ты не хочешь, чтобы его для начала обследовали в Манипуляционной? – Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. – Пожалуйста! Это же такой шанс! Где еще ты видел...

– Нет! – внезапно рявкнул Скорпион. – Никаких обследований! Нам требуется как можно скорее разобраться с ним, а потом от него избавиться!

– Но это же протектор... – растерянно вымолвила Ламия, поправляя очки.

– Больше нет, – пророкотал Скорпион. – Суд состоится через полчаса.

– Но не все из Тринадцати смогут прийти так скоро, – подал голос Стефан, – многие на заданиях.

Иногда он забывал, что все его утверждения могли быть интереснее для дерева, чем для протекторов. Никто на Стефа и внимания не обратил. Ламия удалилась, а Паскаль несколько раз обошел комнату в напряженном молчании. Мыслями он был далеко отсюда, может, даже лично разбирался с несчастным узником.

– Хочешь его казнить? – спросил Стефан без особого интереса.

– С тобой я разберусь позже, – сердито ответил Паскаль, забирая энерглас и пряча его в рабочем поясе.

– И все-таки что с ним?

Паскаль, казалось, хотел сказать одно, но затем выдал:

– Ты его знаешь?

– Этого новенького? – Стеф фыркнул и пожал плечами. – Скажу так: в личном общении он бы понравился тебе меньше меня.

– Знаю, говорил с ним пару раз. Неприятный тип. Высокомерный.

– Мне он показался эгоистичным засранцем. Слышал, указов он не выполняет, делает в основном то, что сам считает верным. Но я не думал, что с ним произойдет *такое*.

Паскаль напрягся:

– Возможно, это знак свыше. Удастся забить паршивую овцу раньше, чем она начнет вносить разлад в коллектив.

Стефану его настрой не нравился, хоть и защищать новичка не было желания.

– Пошли. – Паскаль открыл дверь в коридор. – Пора выяснить, что за темную тварь нам приволокли на порог.

Глава 3 Мертвый для Света

Протекторы отворили тяжелые ворота, вводя меня в мрачное круглое помещение. Я смутно помнил его, словно видел в другой жизни. Зал собрания Тринадцати.

Все серое, сделанное из каменных плит. Наверху – ничем не освещенный, полный темноты купол. Вдоль стен висели синие знамена Света с серебряной звездой по центру. Сам зал делился на два уровня: нижний был предназначен для провинившегося, а верхний – для Тринадцати. Те из них, что пришли, почти поголовно носили синие мундиры. Они стояли на высоком помосте, среди тринадцати каменных трибун, выставленных в круг, и нависали надо мной мрачными угрожающими тенями. Если за трибуной находился человек, то синий диск на ней загорался уникальным символом. Протекторы не спускали с меня глаз. Я насчитал шесть присутствующих.

Разумеется, мне была знакома побледневшая Фри; она старалась выглядеть стойко и уверенно за трибуной Овна, но тем не менее не могла унять дрожь. Моя наставница, которая в обычной ситуации являлась сгустком оптимизма. Волосы у нее были пышные, недлинные, собранные в растрепанный хвост. Они имели красивый цвет красного дерева и на кончиках были выкрашены в пурпурный. Натянутые на лоб рабочие очки не давали челке закрыть глаза, прежде полные задора и уверенности, в которых сейчас горела лишь паника.

При виде рыжей протекторши – Сары – все внутри сжалось, точно от озноба. Она как раз встала за одной из трибун, где тут же засиял символ Льва.

Протекторы еще раз проверили наручники, а затем запихнули меня в круг голубоватого барьера. Тронешь – и скорчишься на полу от страшной боли. Думалось, я знал это не понаслышке.

Когда обычные протекторы вышли, плотно закрыв за собой двери, темный зал погрузился в тишину. Я ничего не понимал и просто прирос к месту, обливаясь ледяным потом. Голова наполнилась плотным туманом. Я не помнил ни своего имени, ни вчерашнего дня, ни причины, по которой все смотрели на меня с такими сильными и отнюдь не положительными эмоциями. Но одно я прекрасно понимал. Дело было дрянь. Очень дрянь.

Внезапно от тени отделился протектор и направился к большой центральной трибуне, да так быстро, будто ждал этого момента. Как только он занял свое место, на диске зажегся знак

Скорпиона. Стоя передо мной, молодой человек выглядел еще крупнее. Волосы цвета соломы, глубоко посаженные глаза, вокруг шеи повязан бордовый платок. Его лицо, состоящее из резких черт, было изуродовано двумя шрамами: один рваной линией пересекал рот и доходил почти до левого глаза, а второй, поменьше, расположился рядом. Когда протектор молчал, я видел краешек его верхних зубов, белеющих из щели в рассеченных губах. Высокий, статный, широкоплечий, закаленный во многих боях. Явный солдат. Такой, как он, наверняка с лишком выполнял свою квоту по устранению сплитов. Судя по его настрою, он искренне хотел покончить и со мной.

– Неправильно начинать мероприятие в таком составе, – строго сказала Сара.

Молодой человек покривился.

– Ты сама торопила этот суд, разве нет? – надменно осведомился он. – Мне казалось, мы все желаем решить дело как можно скорее.

– Я хочу, чтобы все было по правилам.

– Согласна с Паскалем, – спокойно вступила в разговор худая особа за трибуной Девы. – С проблемой Тьмы надо разбираться в кратчайшие сроки.

– Остальные все равно не придут, – проворчал Водолей, нервно постукивая пальцами по камню, словно изнемогая от нетерпения. – Рыбам и Весам это даром не надо. Змееносец, верно, снова где-то пашет. Давайте уже. Раньше начнем – быстрее закончим.

Стефано Феррари. Или Стефан – мне помнилось, что этот тип свое имя коверкал. Бледный, черноволосый, с колким взором янтарных глаз, который будто разрезал тебя пополам.

– Действительно, – кивнул Паскаль и холодно посмотрел на меня. – Почему мы не можем определить твои эфиры? Что ты с собой сделал, Максимус Луцем?

Имя дробью ударило по ушам. Сердце гулко забило в груди. Я был рад, но произвольно поморщился. Терпеть не мог свое полное имя.

– Что? – спросил я.

– Через окуляр никто не смог разглядеть в тебе ни Тьмы, ни Света. Это невозможно, если только ты не обложил себя некой защитой. Пытаешься спрятать от нас свое истинное лицо?

– За что вы меня судите? Я ничего не помню!

Лицо Скорпиона осталось неизменным. Я так хотел найти поддержку хоть в чьих-нибудь глазах, но только Фри, похоже, была полностью на моей стороне.

– Совсем ничего? – тихо уточнила Дева.

– Я... не знаю. – Каждое слово звучало неувереннее предыдущего, но зато крепили отчаяние и безысходность. – Кажется, я пытался спасти приземленного... Не могу вспомнить. Я... действительно многого не помню, не только это... Пожалуйста, поверьте мне!..

– Как я могу верить тому, кто осквернил свою душу, связавшись с Тьмой? – безжалостно поинтересовался Паскаль.

– Что я сделал?! – в отчаянии воскликнул я. – Объясните!

Но они не слушали. Никто не слушал. Для них я уже словно и не существовал.

– Как вы понимаете, ситуация слишком опасная. – Паскаль властно взмахнул рукой. – В воспоминаниях Сары, которые мы все видели, был не человек. Это злобное существо, порожденное мраком. И сейчас оно стоит перед нами. Бывший соратник – прогневший, а значит, мертвый для нас. Мы не можем запятнать Тьмой имя люмен-протекторов. В мою вахту все должно быть идеально. На лишние разбирательства нет времени. – Он глубоко вздохнул. – Здесь поможет только полное выжигание души. Обливион будет самым верным решением.

Обливион. Это слово наводило ужас.

– Это же смертная казнь! Ты идиот! – Фри негодуяще подалась вперед. – Да как ты не видишь?! Он понимает и помнит! Макс – один из нас! Протекторов так мало!.. Нужно обследовать его и попытаться вернуть потерянные воспоминания! – Она в панике оглядела остальных. – Так нельзя!

– Замолкни! – грозно прорычал Паскаль. – Радуйся, что не стоишь на его месте. Ты ослушалась прямого указа Смотрителя и отправилась помогать темному! Уговаривала протекторов увести его из Соларума!

– Я лишь хотела спасти его от тебя! – выпалила она. – Он бы вернулся и попал на справедливый суд через несколько дней, когда солнце перейдет в следующее созвездие и Смотритель сменится, а твоя мерзкая рожа грустно замаячит за другой трибуной!

– Да как ты...

Со стороны Близнецов донеслось наигранное покашливание. Ламия Казвини. Тонкая смуглая девица с темными, как ночь, миндалевидными глазами. Ламия поправила очки – те были с кучей линз, помогающих в работе, но, главное, выравнивали плохое зрение.

– Сбавь обороты, – быстро заговорила она. – Тут много несостыковок с природой наших врагов. Как он смог исчезнуть после встречи с Сарой? Почему эфир неразличим? Как вновь восстановилась душа? А если и не восстановилась, то по какой причине он ведет себя так осознанно? И почему в том месте, где его нашли, уровень Тьмы во много раз превышал уровень, который оставляют сплиты? Возможно, это еще один подарок от Шакары – лучше быть готовыми заранее. Ее новое опасное творение. Иной вид сплита! Вдруг нечто подобное повторится в будущем. Ты можешь отдать темного мне и Весам на опыты. Это пойдет на пользу протекторам. Мы будем с ним предельно осторожны...

– Но я не темный! – вырвалось у меня.

Паскаля передернуло, будто он и забыл, что я способен говорить.

– Ты не можешь утверждать подобного. Потому примешь свою судьбу.

– Какая, к черту, судьба?! – разозлился я. – Я не чувствую Тьмы!

Что-то серьезно переменялось в Паскале. Он рассвирепел.

– Да кто ты такой?! – Протектор так сильно сжал края трибуны, что костяшки пальцев побелели. – Сплиты не излечивались тысячелетиями, и вдруг ты стал исключением?! Ты просто лжец, марионетка Тьмы! Скажешь все, лишь бы запутать нас. Сначала темный, потом светлый? Нет ничего промежуточного, нет исключений! Есть лишь черное и белое. Тьма и Свет. Кто ты такой, чтобы ломать законы Вселенной?!

Я чувствовал все, каждую его эмоцию, яростными волнами выплескивающуюся из тела. Его душа пылала. Страхом? Нет, давно нет. Лютой, ломавшей логику ненавистью к любому проявлению Тьмы. Страх порождает злобу, а за ней приходит и смерть.

– Сплит? – ужаснулся я, вконец запутавшись. – Почему вы меня так называете? Сплиты неразумны!

– И они никогда не возвращаются в норму! Не желаю больше ничего слышать от темной твари. Никаких исследований, никаких «но» и «может быть». – Он вскинул подбородок. – Лживое отродье. Мы должны нести бремя, что возложили на нас звезды. Уничтожать Тьму, не давая ей проникнуть в чужие души. Только так. Ты мертв для Света.

Я резко подался вперед.

– Послушай, ты... – гневно вырвалось у меня.

Но тут барьер стремительно сжался, почти касаясь моей одежды и не оставляя свободного пространства. Я испуганно замер, чувствуя, как разряды энергии забегали по коже.

Паскаль выдержал напряженную паузу, а после поднял руку, сосредоточенно оглядывая остальных:

– Голосую за уничтожение осколков души.

Дева тоже подняла руку. Лев последовала за ней. Близнецы и Стефан колебались, но в конце концов подали знак. Фри вцепилась в трибуну трясущимися от страха и злобы ладонями.

Время застыло, я даже чувствовал, как в воздухе замерла пыль. Внутри все перевернулось и полетело в пустоту. Все решилось. Пять знаков против одного.

Паскаль было успокоился, но тут ворота с шумом распахнулись.

– Так, а ну закрывайте этот цирк уродцев, – донеслось оттуда.

В том юноше было около двух метров. Худощавый, но широкоплечий. Он выглядел как идеал опрятности и интеллигентности – все выглажено, ни грязи, ни складок, будто собрался на светский раут. Светлые, слегка золотистые волосы уложены в безукоризненно гладкую прическу. Подбородок выдвинут вперед, глаза быстрые, а угловатое лицо подвижное и хитрое. Проще говоря, высокомерный и самоуверенный педант.

– Ты? – Паскаль исподлобья поглядел на вошедшего. – Простым знакам запрещено быть здесь. Это заседание для Тринадцати, а уж никак не для протектора под созвездием Волка.

– Да вы и без меня нарушаете парочку серьезных законов, друзья, – кисло отозвался блондин, быстро вскочив на помост. – Одним больше – одним меньше. Гулять так гулять!

– Дан, немедленно покинь Зал Тринадцати.

Тот встал за свободную трибуну, на которой тут же вспыхнул незнакомый мне символ, напоминавший клык, и льстиво положил руку на сердце.

– Не мне тыкать законами, о великий и справедливый Смотритель, – вкрадчиво заговорил он, выжимая самую обаятельную улыбку. – Но, как все мы знаем, протектор со знаком Стрельца давно почил, а новый пока не найден. А в таких случаях право говорить от имени отсутствующего Высшего дается самому надежному и квалифицированному протектору со скамьи запасных. А я тут квалифицированнее всех вас, вместе взятых. – После чего хвастливо сообщил Паскалю: – Вообще я умный и недооцененный. И выше тебя. И одеваюсь лучше, пенечек.

– Даже если бы ты остался последним протектором из простых знаков, я все равно не дал бы тебе этого права, – прошипел тот.

– Зато я могу предоставить такую привилегию, – донеслось из открытых ворот.

Все протекторы разом вытянулись, увидев новопривывшую. Каблуки сапог громко стучали о каменные плиты. Я не помнил эту женщину. Совсем. Но она была прекрасна. Форма Армии Света сидела на ней как влитая. Фасон одежды отличался от протекторской: казался утонченнее и богаче. Серебристый плащ лежал на левом плече, а на поясе висел клинок. Вьющиеся локоны имели странный бледно-голубой оттенок. Светлая, почти белая кожа, четко очерченные скулы и решительные серебристые глаза. Они блестели точно металл. Такой цвет принадлежал только одним существам во Вселенной.

Паскаль резко переменился в лице.

– Мемора, тебе также нельзя здесь находиться. – Он старался говорить учтиво, но сквоживший в голосе яд все портил. – Хоть ты и звезда, посланная Люксорусом наблюдать за Землей от лица Верховной Света, но вмешиваться в собрания Тринадцати не имеешь права.

– Тринадцати? – фыркнул Дан. – Ох да, прости, я забыл, что математика для тебя непосильна. Раз уж мы заговорили о правилах, то начнем с того, что решение о казни и любых подобных развлечениях должны выносить *все* Высшие протекторы. Полным составом. Или хотя бы почти полным. Но вот что-то я не вижу ни Павла, ни Коула, ни Рамоны. Неужели спрятались? – поинтересовался он, заглядывая за пустые трибуны.

– Это правило можно обойти, когда наши жизни под угрозой, – не уступал Паскаль.

– И кто же твоей душонке угрожает? – Дан указал на меня. – Он? Ты смеешься? Дай этому задохлику кинжал, и он сам же об него и убьется, споткнувшись о камень!

У Паскаля дернулось веко.

– Не желаю слушать. Убирайся.

– Он никуда не пойдет, – спокойно, но твердо заявила звезда, поравнявшись со мной. – Хоть я и не могу вмешиваться в решения Тринадцати, но все остальное – в моих полномочиях. Я также имею право назначить простого протектора на место ненайденного высшего, поэтому и выбрала Волка. Он вовремя оповестил меня о происходящем, чего вы, кстати, сделать не удосужились. Мне думалось, что важной задачей протекторов является сохранение жизней

собратьев. Вас всего сотня на орды сплитов, не считая приземленных-адьютов, конечно. Что изменилось?

– Покажи нам еще раз. – Скорпион, сощурившись, обернулся к Саре.

Девушка со своего места создала большую круглую проекцию с записью памяти, которая зависла неподалеку от меня. То было ее прошлое, показанное от первого лица. Глаза – зеркало души, а значит, и воспоминаний.

– Я была на вызове, – пояснила Сара своим лишенным интонаций голосом. – И никак не ожидала столкнуться с подобным.

Проекция была почти черной, но я различил дорогу и яркие фонари. На тротуаре лежала тлеющая костяная маска сплита и остатки темной гнили. Пыхнул серебряный свет, и ошметки Тьмы исчезли, но затем раздался болезненный вой, от которого стало не по себе. Резкий поворот вправо. Черный силуэт стремительно отделился от тени и побежал прямо к Саре. Та отпрыгнула, выставив перед собой меч. Существо увернулось от удара и застыло на том месте, где недавно разложился сплит. Сара выжидала, а тварь с характерным булькающим звуком медленно вышла на свет.

Казалось, земля подо мной сотряслась. Я похолодел.

Не может быть.

Это был я. Именно моя оболочка вышла под свет фонаря. Из-под синей формы сочилась темная гниль, лицо отвратительно исказилось из-за проступающей костяной маски, рвущей кожу. Я невольно коснулся собственной щеки, не в силах поверить, что та яростная тварь, вновь бросившаяся на Сару, была мной. Девушка отразила атаку и посмотрела в мое изуродованное лицо.

Подавив тошноту, я заставил себя взглянуть в маслянисто-черные глаза. Бездумные, злые и голодные. Там не было и намека на душу. Сара устремила меч в живот чудовища, которое когда-то было мной.

Неожиданно вспыхнуло белое свечение. Оно затмило все вокруг, а затем потухло, и я растворился в воздухе.

Шар исчез, и Паскаль надменно посмотрел на меня.

– Теперь вспомнил?

Я не находил слов. В горле застрял ком. Внутри что-то рухнуло, и я отчаянно пытался собрать осколки.

Мемора решительно закачала головой:

– Сейчас Максимус разумен. И я запрещаю казнить его на основании отсутствия на суде полного состава Тринадцати.

Паскаль сердито ударил кулаком о камень трибуны.

– Он может убить нас всех! Тьма не излечивается! Эта тварь лжива и обманчива и только выжидает, чтобы напасть!

Дан утомленно прикрыл глаза ладонью:

– Всепроникающий Свет, как ты естественный отбор-то прошел?..

– Месяц за Полярным кругом. – Паскаль бесстрастно обернулся к нему. – Через шесть часов немедленно отправляешься в ссылку без возвращений в Соларум и послаблений следующим Смотрителей. Если ослушаешься, тебя лишат десяти лет воспоминаний.

– На север? – удивился Дан. – Но я там помру со скуки!

– Очень надеюсь. Скажи спасибо, что я отправляю тебя не в горячую точку. – Паскаль вернулся к Меморе и задумчиво нахмурил лоб. – Ладно, так, значит, казнить его ради нашей же безопасности нельзя.

– Нет, – подтвердила звезда и впервые взглянула мне в глаза. На сердце тут же потеплело. – Но и отвернуться от случившегося мы не можем. Естественно, его будут держать под

стражей, но, пока вы не соберете полный Круг Тринадцати, все силы будут брошены на то, чтобы понять, что же с ним произошло и как все исправить.

– Так, может, пока проведем обнуление? – предложила Ламия. – Если это не поможет, то хотя бы обезопасит нас.

Почти всех охватило замешательство.

– Вряд ли мы его спасем. В нем по какой-то причине не видно ни светлого, ни темного эфира. Это необычно. Он будто то ли защищен, то ли, что невозможно, – пуст. Но я уверена, проведя тесты, мы сможем понять причину этой аномалии. Если сделаем обнуление памяти, то эфиры могут вернуться в норму. Обычно сплитам это не помогает, но раз Максимус разумен, то крохотный шанс есть. Почему бы не воспользоваться им, а не рубить сплеча?

Это звучало как разумное решение, и я почти воспрянул духом, но Дан потрясенно воскликнул:

– Не смейте! Нет, проводить эту процедуру нельзя ни в коем случае! Она обновляет не только эфир, но и всю душу. Вы сотрете не просто его воспоминания, но и саму личность. Человек без прошлого, оно вам надо?

Лицо Меморы исказилось. Она хмуро оглядела меня:

– На такое пойти мы тоже не можем.

– Но, как верно подмечено, ты не можешь вмешиваться в решения Тринадцати, – заявил Паскаль. – Это не казнь, хватит и половины Высших. А благодаря твоему посланнику нас уж точно больше половины, так что все законно.

– Я ничего не вспомню? – через силу выдавил я. В ушах нарастал звон. – Перестану быть собой?

– Но зато не умрешь. – Он развел руками. – По крайней мере, сейчас. Мы подождем, когда соберутся все Тринадцать, и проведем повторный суд. А пока сделаем все возможное, чтобы до того момента обезопасить других.

Память. Мысли. Крупицы, из которых состояла личность. Я видел это воочию и понимал, что нет ничего хуже, чем потерять все в одночасье.

– Нет... нет, лучше убейте.

– Поверь, я был бы рад исполнить твоё желание, но мои руки связаны. – Паскаль закрыл глаза. – Смотритель вынес решение. И видит Вселенная, оно неоспоримо. Да будет Свет вечен!

Фри было запротестовала, но Паскаль уже спустился и, не глядя на меня, прошел к выходу. Кто-то громко говорил, кто-то шептался. Я был в таком потрясении, что даже не заметил, как барьер исчез и чья-то рука в белой перчатке легла мне на плечо и повела меня прочь из зала.

Это была Мемора. Я не мог произнести и слова, боясь разрушить вакуум, образовавшийся в голове. Она была звездой – могущественным созданием, чья раса крушила планеты и галактики. Но я не чувствовал опасности. Ей хотелось доверять.

Мемора задержала на мне долгий тяжелый взор, и я всем сердцем желал услышать от нее обещания помочь, слова поддержки или просто увидеть ее улыбку. Однако, когда она разомкнула бледные губы, от бездушных серых стен эхом отлетело только:

– Мне очень жаль.

Глава 4 На самом дне

Верховная Света умерла.

Довольно громкое событие, отрицать не стоит.

Об этом говорили повсюду: во всех уголках за небесами и даже в таком захудалом и незаметном месте, как Земля. Стефан уже неделю только об этом и слышал. Протекторы жужжали не переставая. Великая хранительница светлых существ, населяющих каждую префектуру Вселенной. Все спешили отдать ей дань памяти, ведь так принято, так нужно.

Всем всегда что-то нужно.

Стеф сидел на каменной стене забора и курил, под ногами темнело море. Несколько пришвартованных лодок изредка тихо стучались о причал, когда накатывала волна. Пахло гадко, какой-то затхлостью, Стефан уже давно отвык от подобного, да и не скучал. Напротив сияли огни города, расположившегося на островах, точно пожар на водной глади. Там даже ночью кипела жизнь, не то что на его стороне. Тут лишь несколько вялых фонарей да где-то за стенами бродил охранник, который, даже если бы и увидел ночного гостя в упор, все равно бы не обратил внимания. Поэтому Стефан спокойно и устало поглядывал то на город, то на блеклые звезды ночного неба и еще реже – на золотые карманные часы, которые он держал в руке нетвердо, словно не решаясь отпустить их в могилу мрачных вод.

Здесь было спокойно, слышался лишь шум волн. Никаких заданий или волнений по поводу высокопоставленных заоблачников. Никакой ерунды со Светом и Тьмой. Все как раньше. Как до всего этого. До протекторства.

– К черту, – сквозь зубы произнес юноша и встал.

В спине хрустнуло, и Стеф, кряхтя, выругался. Да, на двадцать два года он себя уже давно не чувствовал, особенно после того, как его на недавнем задании впечатали в стену.

Стефан скинул окурок сигареты в воду к остальному мусору, прибитому к причалу, натянул на себя мундир и с тяжелым сердцем упрятал во внутренний карман часы. Каждый год в это время они словно становились тяжелее, придавливая его к земле, туда, где он уже давно должен был лежать.

Пока протектор брел по пирсу к воротам, все больше мрачней с каждым шагом, он и не заметил, как по воде побежала рябь. Только когда из-под ее толщи брызнул золотистый свет, Стефан уловил это краем глаза и замер.

«Иди дальше, просто иди дальше, к хренам все это, – думал он, стоя в крошечной тени, отбрасываемой воротами. – Не до этого».

Ненавидя себя немного больше, чем обычно, Стеф с раздражением потянулся к пистолету на поясе и медленно шагнул к краю пирса, глядя на бурлящую воду. В голове металась догадка о природе увиденного, одна поганее другой, но оправдалась самая худшая. Из воды вырвалась светящаяся нить, оплелась вокруг сапога и резко потащила Стефа на себя – прямо в морские волны. Стефан брыкался, но бесполезно – его уже схватили другие нити. Он только и успел, что задержать воздух в легких, прежде чем грохнуть вниз. Громкий хлопок – и ледяная вода окутала его, забила в уши. Стеф барахтался, пытаясь отбиться от нитей, но тщетно: те опутывали его сильнее и крепче, мешая двигаться. Вода мигом попала в нос, парень захлебнулся. Ничего не видно, лишь мусор, пузыри и ветки. Стефан продолжал вырываться, он знал: бывают смерти и похуже, и все-таки сдохнуть на дне вонючего грязного моря в компании пластика и гнилых водорослей – полный финиш. У него еще оставалось немного самоуважения, а потому он не мог допустить подобного.

Внизу зияла чернота, а наверху стремительно угасал свет и лишь призрачно очерчивались днища лодок. Только золотился свет нитей. И близился покой.

Его выбросило на каменные ступени. Отбив все бока и распластавшись на голой земле, Стефан сплюнул воду и зашелся в сильнейшем кашле. Ему казалось, что он никогда не избежит от этого мерзкого соленого привкуса во рту.

– Вот дерьмо, – озлобленно вырвалось у него через кашель.

Отбросив с глаз налипшие волосы, юноша стремительно огляделся и увидел то, что и ожидал, – большое зеркало с молочно-бледным стеклом, из которого он и вывалился. Оно стояло так, что свет луны и звезд прямо падал на его поверхность.

– О, ну наконец-то, – нетерпеливо выдохнул некто.

Стефан раздраженно покосился на фигуру, взволнованно мерившую шагами пустырь неподалеку.

– Обливион тебя поглоти, ты еще кто? – хрипло спросил Стеф.

Он сел поперек лужи, среди принесенных вместе с ним склизких водорослей и двух мелких рыбешек, из последних сил бившихся об пол. Сам Стефан был весь промокший, в ветках и хрустевшем на зубах иле.

Вокруг раскинулся редкий лес, неподалеку виднелись освещенные крыши строений, явно неземного типа. Скорее всего, одно из заоблачных поселений где-то в Европе. По сторонам громоздились каменные столпы, точно лес продолжался в статуях. Незнакомец находился в тени, но и так можно было легко рассмотреть его ярко-красные глаза.

Он приблизился; Стефан даже не дрогнул, хотя стоило бы. Не каждый день его похищали при помощи таких сильных манипуляций с пространством. Протектор мигом узнал форму «Белого луча» – темная, со стальными вставками, оплетенная ремнями тут и там. Заоблачник откинул капюшон и расстегнул воротник, давая оглядеть свое лицо, которое Стеф тут же и узнал. Кожа желто-серая, с парой бурых полос, волосы цвета серы, того же оттенка и паутина пятен, распространившихся по всей левой щеке. Скулы и нос острые, лоб широкий, сам заоблачник выглядел довольно молодым и поджарым. Глаза вечно уставшие, словно Вселенная никак не хотела дать ему времени на здоровый сон. Радужки, как и у всех прочих планетаров, ярко-алые.

– Меркурий? – поперхнулся Стеф. – Ты какого хрена творишь?

– Приношу извинения, – не очень-то виновато сказал заоблачник. – По-другому ты вряд ли бы пришел.

– Ох, ну да, – заворчал Стефан, сгребая с волос шматок водорослей и поднимаясь. – Ты мог выделить меня из любого зеркала, из окна или, чтоб его, любого другого отражения под лунным светом! Но ты вытащил меня из этой склизкой лужи, серьезно?

– Не моя вина, что возле зеркал ты бываешь редко, – спокойно ответил Меркурий, проходя мимо статуй.

Стефан раздраженно вздохнул.

– Выловить тебя было не так уж и сложно, кстати, – добавил планетар. – Ты не ставишь на себя защиту.

– Потому что меня не каждый день пытаются похитить заоблачники! – зло воскликнул юноша, доставая из кармана сигареты

– Эквилибрумы, – поморщившись, поправил его собеседник.

– Ну еще расистом меня назови, – буркнул Стеф и убрал пачку назад, обнаружив, что она промокла насквозь. – Так к чему такая секретность? Мог бы написать, а не тащить меня к черту на рога. Или в Соларум зайти.

– Я хотел, но мне не разрешили.

– Вот как? – Стеф скептически вскинул бровь. – Слушай, это, конечно, роскошно и все такое, но...

– Стефан, – резко перебил его Меркурий, угрожающе сверкнув глазами. – Заткнись.

Стеф устало взмахнул руками, как бы приглашая планетару начать рассказ, а сам сел на валун. Думалось, что Меркурий взволнован, хоть он упорно не хотел того показывать. А эмоции в этом заоблачнике протектор уже научился определять – недаром они столько лет проигрывали друг другу ценсумы и прочие ценные вещи в карты.

– Кое-что случилось, – наконец заявил заоблачник, продолжив расхаживать в разные стороны. – Скажи, у вас в Соларуме не происходило ничего странного?

Стефан поперхнулся от смеха:

– Мы, мать твою, люди, пытающиеся Светом звезд убивать темных тварей, а еще я прямо сейчас общаюсь с небесным телом. Что из этого страннее, уточни?

Меркурий раздраженно прищурился:

– У меня сейчас нет на это времени. Говори прямо, Водолей, я вам пытаюсь помочь.

– Да все как обычно! На той неделе вон сожрали еще десять приземленных. Вычистили небольшую котловину в Барселоне. Скорпион снова играет в начальника и бесит всех своим присутствием. Волк наконец чуть не помер от собственной глупости. Кому-то ногу оторвало, не знаю. Ничего особо выделяющегося, что могло бы тебя заинтересовать.

Меркурий отвел глаза к далеким крышам поселения и натужно вздохнул.

– Ну тогда у нас проблемы. В основном у вас, но все же.

– Это ты сейчас о чем вообще?

Планетар остановился. Он постоянно казался напряженным, Стеф никогда не видел его расслабленным, он каждую минуту был словно начеку, в ожидании удара. Рядом с ним, вокруг статуй бегали небольшие полупрозрачные твари из Света, напоминающие грызунов с оперением, – люминосы. Вблизи поселений заоблачников их водилось больше всего, хоть тут они и были крохотными в сравнении с исполинами, которые ходили где-то далеко за пределами Солнечной системы. Здесь же люминосы резво подбегали к освещенному пространству и лапками добывали из воздуха крупинцы света, тут же без остатка съедая собранное. Стефу они казались просто мелкими паразитами, уничтожавшими светлый эфир, которого и без того было не особо много. Ему отчаянно хотелось пнуть одного.

– У нас кое-что пропало, – мрачно сообщил Меркурий. – И кое-кто из верхов считает, что в этом замешаны люмен-протекторы.

– То есть что-то украли? – удивленно уточнил Стеф. – У вас? Да «Белый луч» – это гребаный бункер, вы для того и отстроили отдел на Земле, чтобы хранить свою нелегальщину, разве нет?

– У всех бывают просчеты в системе.

Он достал энергглас и создал на нем проекцию-изображение. Стефан взгляделся в появившееся лицо и обомлел:

– Только не говори, что вы подозреваете этого идиота.

– Знаешь его? – нахмурился Меркурий.

– Ну, так... – Стеф пожал плечами, стараясь не выдавать смятения. – Он новенький, вроде всего пару месяцев с нами. Я мало с ним знаком. Странный тип. На вид вроде нормальный, но слишком много о себе думает.

– Как давно ты его видел?

– Думаешь, я помню? Я не нянька, к тому же у меня плохо с социализацией в общей своре, сам прекрасно знаешь.

Стефан врал без зазрения совести, быстро обдумывая новую информацию. Получалось, что Шакара и ее взвод падших с Максом замешаны не были – на поле играли куда более серьезные ребята. Не стоило говорить Меркурию о суде и о состоянии Максимуса, мало ли что тогда будет. Но что же до недомерка? Какую дрянь он мог выпепить в «Белом луче», что на какое-то время стал сплитом?

– Нам сейчас запрещено расспрашивать вас об этом, – признался планетар. – Я с тобой говорю лишь потому, что не хочу кровопролития.

– Погоди, что? – Стеф даже встал от услышанного. – Этот парень у нас и полугода не работает, как ты вообще себе представляешь его проникновение в «Белый луч» – организацию, которая столько времени умудряется ускользать от судов Светлой и Темной армий, будучи самой скрытной и неприступной в мире?

– Ему помогали изнутри. Знаю только то, что украли нечто невероятно ценное и довольно разрушительное. В связи с этим один из глав «Белого луча» уже прибыл на Землю.

Стефан издал тихий хрип, точно ощутил физическую боль от услышанного.

– Опаленный? – предположил он, надеясь на ошибку.

– Именно. Он же ответственный за это отделение.

– Тарт, – выругался Стеф, глазами ища в небе ту самую оранжевую звезду, приход которой мог обернуться для Земли большими бедами. – Самый разыскиваемый эквilibrium в этой префектуре, да вы издеваетесь. Он с ума сошел тащиться на населенную приземленными планету? Его же здесь скрутить могут.

Меркурий понимающе качнул головой и тоже уставился на звезды. Может, он искал там свое собственное небесное тело.

– Пока вся Вселенная в суматохе из-за смерти Оттаны Устремленной – пусть ее дальнейший путь будет легок, – Опаленный решил рискнуть. Дело это настолько важное, что он плюнул на самосохранение, а потому теперь сидит в нашем отделении «Белого луча» и чрезвычайно ждет от нас положительных результатов. Как ты мог догадаться, Опаленного ничего в этом мире особо не трогает, но тут...

– Чернолюб, – фыркнул Стефан, вспомнив позорный ярлык, который постоянно цепляли на того эквilibrium. – Если кто-то из Светлой армии узнает, что он здесь, они начнут крушить все подряд, только бы отловить этого ублюдка. И плевать на жизни приземленных.

– Поверь, он сам не хочет в Червоточину, – заверил его Меркурий. – Потому такая секретность, в том числе и вокруг украденного. Я действительно не знаю, что это, – не мой уровень доступа. Но будет еще хуже, если о нем узнают Армии.

Стефану ситуация нравилась все меньше. Любой повод, по которому эквilibriumы обращали внимание на Землю, не мог обернуться ничем хорошим.

– Просто имей в виду, наш начальник пойдет на многое, лишь бы вернуть то, что у него украли, – добавил заоблачник. – Он наверняка думает, что все люмен-протекторы в сговоре, а потому может пойти на убийство протекторов и приземленных. В худшем случае обо всем узнают Армии, и тогда начнется бойня. Поэтому лучше провести все тихо.

Стефу хотелось огрызнуться на такое заявление, но он проглотил едкие слова, прекрасно понимая, что Опаленный и правда способен пойти на многое. Не зря же его искали и Свет, и Тьма. Тот, кто без зазрения совести продает не только опасное оружие, но и души, вряд ли привык уходить ни с чем.

– И что ты хочешь? – с вызовом спросил Стефан, оборачиваясь к Меркурию. – Чтобы я сдал вам своего? Вы же там его прикончите!

– Это было бы довольно любезно с твоей стороны. Я знаю, что тебе неприятно об этом думать. – В голосе Меркурия послышалось неожиданное сочувствие. – О смерти брата по оружию. В связи с твоим прошлым...

– Ой, замолкни, – ощетинился Стеф.

– Но мне тоже неприятна эта ситуация, – заявил планетар. – Мне нравится эта планета, и вы – протекторы – не плохие души. Но дела обстоят так: либо вы помогаете нам отыскать этого приземленного и он рассказывает все, что знает, либо будет много жертв.

Стефан вдохнул ночной воздух полной грудью. Только сейчас он заметил, насколько же здесь свежо.

– Мы не приземленные, Меркурий, мы люди. И кто из нас еще расист?

– Так ты сообщишь, если что-нибудь узнаешь? – нахмурился планетар.

– Я подумаю. – Стеф принялся рыться в отделениях своего рабочего пояса.

– Ты же понимаешь, что стоит на весах...

– Я же сказал, что подумаю! – огрызнулся Стефан, доставая склянку с фиолетовым порошком. – Как что будет – пришлю сообщение, чего и тебе советую. Только попробуй, блин, снова меня так вызвать! А пока старайся держать своего Чернолюба подальше от Светлой армии, нам тут на Земле ваши заоблачные разборки даром не нужны. – Протектор наступил на склянку. – Не хворай.

Его овеял густой лиловый дым, полный искр и вихрей, после чего он исчез, оставив Меркурия в одиночестве.

Снова волны.

Пирс и ворота. Островок, окруженный каменной стеной. Земля мертвых напротив огней жизни Венеции. Кладбище Сан-Микеле. Стеф посмотрел на мрачный вход. Похоже, в этом году придется ненадолго отложить поход в это место.

Сейчас было не до того.

Если он сдаст новичка Опаленному, то того запытают и прикончат. Воровать у «Белого луча»?.. Лучше сразу глотнуть серной кислоты. Макс – крыса и ублюдок, но живой ублюдок. Человек. Мысли даже о косвенном убийстве людей вызывали у Стефа дрожь. Но если он не сдаст Макса – головы протекторов полетят одна за другой, в этом можно было не сомневаться.

Стефан продолжал ходить по пирсу, а волны вокруг, казалось, шипели все громче. Подул крепчайший ветер, на небе сгустились тучи.

Максимус... Какие родители в здравом уме вообще называют так ребенка?

Надо сдавать. Хочешь или не хочешь – но надо. Стеф возненавидел себя за эту мысль как никогда, но нельзя подставлять всех. Его беспокоила и мысль, что Макс заявлял о повреждении памяти. При том, что он пережил, поверить в подобное было легко, несмотря на все заявления Паскаля о лжи. Вот только сможет ли тогда новенький рассказать хоть что-то толковое в «Белом луче»?

Тут он остановился от внезапно налетевшей мысли, точно споткнулся об нее. После чего во весь голос выругался. Максимуса собирались обнулять. Переубеждать Паскаля в таких делах – все равно что голыми руками поднимать валун со дна океана. К тому же если Стеф начнет протестовать, то огребет. Паскаль и так грозился забрать у него годы жизни. Стефан злился все сильнее.

«Ну почему, почему меня никак не оставят в покое?.. – сокрушался он. – Почему это не расхлебывают другие, вроде Дана или...»

И тут его осенило. Стефан раздумывал над этой мыслью так усиленно, что даже не сразу заметил, как карман его рабочего пояса засветился. На энергласс пришло сообщение. Поначалу

Стеф по привычке начал раздражаться на очередной указ, но затем заключил, что так даже лучше.

Заморосил мелкий дождь; Стефан подставил ему лицо и страдальчески вздохнул. Этот день уже казался ему бесконечным.

* * *

Обойдя все секции тренировочного зала, он нашел единственного посетителя только в последнем. Там, где и ожидал ее найти.

Фри остервенело рубила человекоподобную мишень клинком. Ее волосы растрепались сильнее обычного, мундир и пояс валялись возле ограждения. Рукава свитера закатаны – Стефан с прищуром оглядел шрамы, которые обильно покрывали тело любого протектора, но на этой девушке казались неестественными. Он никогда не переставал думать, что Фри, несмотря на ее воинственный нрав, не была создана для этого мира – настоящего мира, со Светом и Тьмой. Слишком много схваток, боли и смертей. Но вот она здесь – с перекошенным от злобы лицом рубит несчастное полупрозрачное чучело, которое вскоре не вытерпело такого напора и разлетелось тысячей белых искр. Фри могла выбрать любую настройку – придать мишени привычный образ сплита, заставить ее двигаться с любой скоростью, чтобы прокачать свои навыки, – но вместо этого перед ней вновь возник твердо стоящий безликий человек. Наверняка Фри злило, что этой штуке нельзя приделать лицо Паскаля. Приходилось ограничиваться богатым воображением.

Фри размяла кисти, собираясь нанести новый удар.

– Ты так доверишься этому поганцу? – спросил Стефан.

Девушка вздрогнула, после чего резко обернулась. Стеф видел – она удивлена, что он к ней обратился. Давно такого не было, очень давно.

– Он это заслужил, – пренебрежительно фыркнула она, сжимая в руках серебряный клинок.

– Скажи это еще раз, и я тебе поверю. – Стеф пожал плечами. – Я видел, как он мешал тебя с грязью. Такое себе было зрелище, точно избиение беспомощных младенцев.

– Мне твоя компания не нужна, – с плохо скрытым раздражением выпалила она. – Если снова пришел оскорблять, то проваливай.

Снова.

Она не забыла.

– Никаких оскорблений. Просто интересно. Почему ты так упорно хотела вытащить своего негодного ученика?

Девушка отвернулась и еще пару раз рубанула по бедной мишени. Стеф понадеялся, что она не представляет там его.

– А я вытащу, – с вызовом заявила она. – Просто пока не знаю как. Думаю.

Несмотря на все сильные стороны Фри, порой она думала очень долго, и сейчас Стефу это было не на руку. Но вот ее желание – оно было главным.

– Что вы все в нем такого нашли? Ты и Дан.

– Тебе-то какая разница? – огрызнулась Фри, резко обернувшись. – Тебе никогда ни до чего нет дела. А мне есть. Он – моя ответственность. Я должна помочь ему. В отличие от некоторых, у него еще есть шанс.

– Ну-ну, – скучаяще протянул Стеф, оглядываясь. – Паскаль приказал мне его охранять.

Она снова принялась за чучело, показывая, что разговор окончен. Какой-то мерзкий червячок обиды бурил железную безучастность Стефа при виде спины Фри. Все-таки иногда ему было неприятно видеть, насколько же сильно люди не желали с ним говорить.

– Паскаль не хочет, чтобы кто-то вроде Дана шатался в карцере. Боится, что тот попортит все дело.

Фри медленно повернулась. Она окинула Стефа подозрительным взглядом:

– Зачем ему туда ходить?

– Ну мало ли. Вдруг отправит Максимуса на проверку и докажет его невиновность. И от Дана можно всякого ожидать. А Паскаль тянуть не любит, все-таки скоро Смотрителем станет кто-то другой, кто вряд ли оставит указ об обнулении в силе.

Переваривая услышанное, Фри отвела глаза. Стефан же обливался ледяным потом. Все зависело от того, догадлива ли Фри в нужной ему степени, иначе придется обдумывать более хитроумный план, и быстро – обнуление новенького не за горами.

Тут Фри засобиралась. Она подхватила пожитки, перепрыгнула через ограждение и пошла к выходу, не удостоив Стефана даже взглядом на прощанье. Стоило ей скрыться, как он облегченно выдохнул. Главное, чтобы Фри пришла нужная мысль. Безумия ей и Дану непременно хватит. Тогда это уже не его забота, а их. Теперь Стефан беспокоился лишь об одном: насколько больно ему будет, когда все случится?

Глава 5 Общими силами

Меня поместили в карцер – неприятную белую комнату, от яркого освещения которой резало глаза. Наручники не сняли, они жгли запястья каждый раз, когда я пытался раздвинуть руки. В помещении не было ничего, кроме стальной скамьи и еле зримого барьера, который должен был отделять мою часть комнаты от надзирателя. Я беспокоился мерил пространство шагами, не останавливаясь ни на минуту. Мысли бегали с места на место, словно блохи перепрыгивая образовавшиеся провалы.

Вскоре должна была прийти Ламия. Она намеревалась взять кровь и эфир на анализы. Мысль о том, что протекторы не могли определить меня, не давала покоя. Эфирный след различим у каждого, даже на самых примитивных проверках. Я не переставал думать об этом, старался логически разложить все на составляющие, найти рациональное объяснение произошедшему, но не мог. Потому что забыл большинство законов Эквилибриса. Я понимал, что изучал их, но что толку, если и это у меня забрали?

Вспоминай, Макс, вспоминай.

Я был сплитом, это неоспоримо. Главным врагом протекторов (более высокие ранги темных нам не по зубам). Сплитами их принято называть на языке эквилибрумов – это значит «раскол». Существа, у которых раскололась душа. Моя душа была разрушена, более того – наполнена Тьмой. У приземленных души состоят из равного количества Света и Тьмы. Протекторы, хоть и тоже приземленные, благодаря силе звезд подавляют в себе Тьму до жалких процентов, так что в нас ее, считай, и нет. Как же тогда я пал? Как умудрился расколоть душу до подобного безумия и стать тем, на кого мы – люмен-протекторы – охотились тысячелетиями? Но главное, каким образом мне вновь удалось стать человеком? За всю историю не случилось прецедентов подобного излечения! И что, если я не вернулся в норму полностью?

– Прекрати маячить и сядь!

Надзиратель. Им, словно мне и так было недостаточно бед, оказался Стефан. На вид ему было лет двадцать, а то и чуть больше. По обыкновению, неопрятный – мятая черная рубашка, форма в грязи; высокий – чуть выше меня. Мраморное лицо, на котором легко читалась каждая эмоция, оказалось омрачено усталостью и отвращением. Всклоченные волосы блестели на свету, открывая бледный лоб.

Юноша сидел в углу, по ту сторону барьера, прислонив спинку стула к стене, и балансировал на двух его ножках. Он одарил меня порцией презрения, после чего вернулся к книге.

– Паскаль сказал, когда меня обнулят?

К моему удивлению, Стеф вопрос не проигнорировал, хоть и не оторвался от чтения.

– Ровно через сутки, – проворчал он. – Столько времени он дал цирку из манипуляционного отдела на эксперименты. Те еще свято верят, что в тебе есть что-то светлое.

– А ты?

– Что? – Стеф бросил на меня рассерженный взгляд поверх книги.

– Ты считаешь, что во мне есть Свет? – напрямик поинтересовался я. – В отличие от остальных двух бугаев, ты остался сторожить меня тут, а не за дверью. Не думаю, что тебе было бы приятно находиться с темным в одной комнате. Даже при наличии барьера.

– Я считаю, что ты создаешь для меня отвратительную кучу проблем, – буркнул Стефан, переворачивая страницу. – Мне в любом случае тошно тут торчать. Просто я не люблю неожиданностей. Да и Паскаль на меня обозлился, потому и отправил сюда. Но светлый ты или темный – плевать. Выкинешь глупость, и я тебе что-нибудь прострелю.

Сомнений в том не было: к рабочему поясу Стефа всегда крепилось несколько контейнеров с сияющими сферами светозарного огня, а в набедренной кобуре лежал пистолет, заряженный как пулями, так и заключенным в шар огнем.

За стеной послышалась какая-то возня. Стеф оторвался от книги. Внезапно дверь гулко отворилась.

– Да я на минуту! Убери руки! – Дан ловко увернулся от стоявшего снаружи адьюта. – Я тебя запомнил!

И тут же захлопнул дверь обратно. После, довольно потирая ладони, он обернулся к нам.

– Ну, как у вас тут дела? – спросил Дан с энтузиазмом.

– Ты что здесь забыл? – напрягшись, грубо спросил Стефан.

– Как будто я не имею права тут быть.

– Вообще-то не имеешь, – веско заметил Водолей, хмурия черные брови. – Давай вали отсюда. Когда твоя рожа в поле зрения, ничего хорошего не происходит.

– Простое совпадение.

– Даже тот взрыв на четвертом этаже?

– Я уже сто раз говорил, что та манипуляция, создавшая газ, сама упала со стола! – возмутился Дан и встал напротив меня перед барьером. Он тяжело вздохнул. – Даже не представляю, каково тебе тут сидеть в обществе подобного зануды. Прости, мне тебя стеречь не дали. Каким бы обаятельным и логичным я ни был, но Паскалю я почему-то не нравлюсь.

– Как и доброй половине Соларума, – процедил Стеф.

– Смею не согласиться!

– Выметайся отсюда! У меня есть полное право стрелять в тебя.

– Будто попадешь, – надменно хмыкнул Дан, не глядя в его сторону. – А вообще меня прислали из манипуляционного отдела, так что все по правилам.

– Тебя допустили? – В голосе Водолея скользнуло недоверие. Руки от пистолета он не убирал. – Паскаль бы ни за что не позволил. Этот баран всегда стоит на своем.

– Но Манипуляционная работает отдельно от Смотрителя, – улыбнулся ему Дан, проходя вдоль белых стен. – Лучшие умы люмен-протекторов. Ты бы тоже мог оказаться среди нас, не будь столь ленив. Манипуляции делаешь прекрасно, разве что мне уступаешь. Но как бы я ни старался...

– Может, хватит говорить со мной как с учеником? – Стефан злобно сверкнул глазами.

Неожиданно Дан выхватил у него книгу и быстро перебрал страницы.

– Желторотый, – усмехнулся тот. – Лучше бы из Архива чего почитал, ума хоть и не прибавится, но попытка будет засчитана.

– Погорелец, – огрызнулся в ответ протектор, забирая книгу назад. – Так чего приперся?
– Хотел навестить нашего заключенного. Надо же вселить в него уверенность.
– Ну да, успокаивать человека перед обнулением... Может, еще пойдешь к смертельно больным – рассказывать, как прекрасна полноценная жизнь?

– Не с нашей работой о таком рассказывать.

Эти слова спустили меня с небес на землю. От появления Дана в груди затеплилась искра надежды, но все это было лишь самообманом. Меня не отпустят. Не позволят, я же «темный». Дан не сотворит чуда дважды, Паскаль скорее его вздернет. Только бы выполнить долг, которого требует работа. И от понимания этого на сердце у меня стало еще гаже.

– Зря ты пришел, – сказал я. – Незачем меня обнадеживать.

– Выше нос! – Дан в мирном жесте развел руками. – Мне бы, к примеру, хотелось в такой момент иметь друга рядом, особенно такого, как я.

– До суда мне и имя твое не помнилось, не говоря уже о личности. Прости, но у меня не осталось о тебе воспоминаний.

Дан удивленно захлопал глазами.

– Совсем? – Он приложил руку к подбородку, и бирюзовые глаза озарились веселыми искрами. – Так это ведь повод наверстать упущенное!

– Я и без того многое забыл, а через сутки потеряю все. Не желаю узнавать еще что-либо, чтобы и оно исчезло.

– Ты смотришь на все с плохой стороны...

– Обнуление приравнивается к смерти! – Я уже не скрывал отчаяния. – С какой стороны мне еще на это смотреть? Меня больше не будет. Ничего не будет. И я не понимаю, что к этому привело!

Протектор не отвел взгляда, но его улыбка изменилась – обрела печальные краски.

– Что бы там ни было, это не имеет значения. – Он пожал плечами. – Может, ты меня и забыл – хотя мне не верится даже в теоретическую возможность подобного, – но я-то тебя нет. И меня не волнует, по какому поводу другие поддаются паранойе.

Протектор постоял несколько секунд, будто в раздумьях, после чего обернулся к Стефану:

– Не подскажешь, сколько времени? Предполагаю, что оговоренные десять минут прошли.

– Чего? – Стефан встрепенулся, снова потянувшись к пистолету.

– Да! – Дан просиял. – Защитные манипуляции больше не действуют, и теперь можно делать так...

Внезапно он исчез. Растворился в воздухе! Но довольный голос тут же раздался слева от меня.

– Конечно, все отключилось на какую-то пару минут, не волнуйся.

– Как ты... – Я пораженно вытаращился на Дана.

– Что? – удивился он. – Ты о перемещении? Звезды, ты и об особенностях моей метки не помнишь?

– Какого черта?! – Стеф вскочил.

Прежде чем он успел что-либо сделать, оброненная книга полыхнула, и серый дым за считанные секунды наполнил его половину комнаты.

– Ладно, может, и не все странности, которые случаются при моем появлении, лишь совпадение, – признал Дан.

Дым быстро рассеивался. На полу отчетливо проступил силуэт Стефа.

– Бедный желторотый. – Дан положил руку мне на плечо. – Всегда-то приходится идти с ним на крайние меры.

Внезапно пространство сжалось, и воздух разом выбило из легких. Секунда – и вот мы по ту сторону барьера. Меня пробрала дрожь, а Дан смотрелся спокойно. Даже слишком, учитывая происходящее.

– Однажды ты наконец привыкнешь, – пообещал он и, сняв с меня наручники, торжественно открыл дверь. – Идем, пока все внезапно не решили вспомнить о своих обязанностях. Иногда такое действительно случается.

– Постой, мы сбегаете? – По спине пронесся холодок.

– А ты горишь желанием остаться?

Как оказалось, охранявшие дверь адьюты также пребывали без сознания. Дан повел меня прочь быстро, но словно не опасаясь, что нас могут заметить.

– Остальные на общем собрании, – пояснил он, будто прочитав мои мысли. – Паскаль наверняка рассказывает, что ты предвестник Армагеддона и выжрешь каждую душонку в Соларуме. Эх, предан же этот невротик делу.

Дан широко улыбнулся, будто сказанное им должно было как-то успокоить меня.

Мы вышли в ярко освещенное помещение.

Гигантских размеров лестница, прилегая к массивным стенам, опоясывала атриум, подобно угловатой каменной змее; спиралевидные колонны казались огромнее мамонтовых деревьев. Далеко внизу в ровном квадрате пола была выгравирована огромная карта Земли. Потолок же заменял титанический купол, сделанный из еле видимого стекла. В свободном центре помещения сияли десятки крупных фонарей-солнц, мерно плавающих в воздухе. Окна состояли из подсвечиваемых изнутри витражей, изображавших величественные просторы Вселенной: планеты и звезды, далекие галактики и коллапсирующие светила, кометы и туманности. И черт меня дери, если они не двигались! Голова закружилась, когда я посмотрел вниз. Спуск представлялся очень долгим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.